

Оксана Гринберга

Зимний Бал,

или Еще один шанс
для попаданки

Оксана Гринберга

Зимний Бал, или Еще один шанс для попаданки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70067320

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда просишь у судьбы еще один шанс, не забудь уточнить детали. Потому что мне его дали, но почему-то в другом мире. Я очутилась в теле девятнадцатилетней сироты, на руках у меня младший брат, а вокруг – зима, холод и полное отсутствие перспектив. Но я не собираюсь сдаваться! В моих планах выжить и позаботиться о брате, а заодно спастись от местной инквизиции и отыскать дорогу домой. Кажется, для этого нужно попасть на Зимний Бал в королевский дворец и прийти туда не одной...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Оксана Гринберга

Зимний Бал, или Еще один шанс для попаданки

Глава 1

Этот год мог смело получить приз за свою никчемность.

Он тянулся и тянулся. Бесконечные серые дни сменялись похожими, моя жизнь состояла из походов на работу и поздних возвращений домой, пока в последний день уходящего года я не оказалась на «корпоративе» нашей компании.

Там-то я и увидела истинные лица своих коллег – сильно навеселе, расхристанных, веселых, – хотя предпочла бы и дальше пребывать в счастливом неведении.

Но мне не позволяли. Не оставляли в покое, пытались напоить и накормить, развеселились и увлечь танцевать, осыпали конфетти и обвешивали яркой мишурой праздничных гирлянд.

«Корпоратив» тянулся так же долго, как и рабочие будни.

Я бы давно ушла, выдумав несуществующий предлог. Вернулась в свою одинокую квартиру – у меня даже кота не было, длительные командировки не располагали, – и спряталась за экраном планшета или же уткнулась в книгу.

Вместо этого, притаившись за разлапистой искусственной елкой под самый потолок, я терпеливо дожидалась наступления нового года. Дежурно улыбалась тем, кто ко мне подходил, размышляя о том, какая все-таки это глупость – то, что я собиралась сделать.

Но я уже дошла до такой степени отчаяния, что решилась – заранее написала записку с просьбой к мирозданию. Собиралась сжечь ее под бой курантов, пепел пересыпать в бокал с шампанским, после чего все это выпить, понадеявшись на чудо.

И на то, что все загаданное непременно сбудется.

Чувствовала себя заправским некромантом, хотя вполне успешно возглавляла отдел продаж в международной компании и мне пророчили взлет аж до самых верхов.

«Мне нужен еще один шанс, раз я испортила все предыдущие, – вот что я написала в той записке. – И еще, дорогое мироздание, мне снова хочется хоть что-нибудь чувствовать. Что-то иное, кроме апатии и безразличия».

Сейчас мне казалось, что вторая часть была лишней – та самая, про чувства, – но исправить ее не оставалось времени. Ручку с собой я не захватила, бумагу тоже. В праздничном веселье их не отыскать, а до Нового Года оставалось всего ничего.

Не больше десяти минут.

– Марина Владимировна, вот вы где! – возле меня остановился молоденький юрист. – Хорошо, что я вас нашел! Вам

просили передать, что к нам пожаловали из питерского отделения. Прибыл Артем Аркадьевич Багрицкий с супругой. Или же с подругой, он ее не представил. – Переменился в лице. – Марина Владимировна, с вами все хорошо?!

– Со мной все отлично, Юра! – бодрым голосом отрапортовала я. – Это шампанское ударило в голову, – и показала ему полный бокал.

Соврала. За весь вечер я не сделала ни единого глотка, а в голову мне ударило совсем иное.

Непрошенные, в нее полезли воспоминания о том самом Артеме Багрицком, с которым нас связывали пять невыносимо-прекрасных, но при этом нестерпимо-ужасных лет.

Восемь лет назад он ворвался в мою упорядоченную жизнь, в которой все было просто и понятно. Успешная карьера и надежда на семейное счастье, потому что я наконец-таки встретила человека, к которому была неравнодушна.

У нас все только начиналось, но оборвалось резко и внезапно, потому что в моей жизни появился Артем Багрицкий. Захлестнул своей неумемной энергией, заморозил и увлек в фейерверк чувств, который в конце концов и вытянул из меня все эти чувства.

Позже, когда все стало совсем уж плохо, Артем без предупреждения перевелся в другой филиал. Уехал в соседний мегаполис и исчез из моей жизни, оставив меня раздавленной и опустошенной.

За последние три года он не сделал ни единой попытки связаться и узнать, как у меня идут дела.

Впрочем, я тоже не делала. Училась жить без него, и у меня неплохо получалось.

Пусть серо и однообразно, этого не отнять, но я до сих пор была жива. И еще – я мечтала о новом шансе, поэтому даже написала ту записку мирозданию.

...Багрицкий уверенно меня отыскал, хотя я и продолжала прятаться за елкой, надеясь, что мое новое зеленое платье поможет слиться с пейзажем.

Оказалось, надеялась я зря.

– Мариночка! – воскликнул он. – Рад тебя видеть! Ты все так же несравненно прекрасна! Впрочем, как всегда.

Я собиралась выдавить из себя улыбку, но передумала. Вместо этого уставилась на того, кого когда-то слишком сильно любила – так сильно, что это едва меня не прикончило.

Артему должно было исполниться сорок два. Он был на четыре года старше меня и, что уж тут скрывать, отлично выглядел!

Пусть в темно-русых волосах уже засеребрилась седина, она несколько его не портила. Наоборот, придавала дополнительный шарм. Серые глаза смотрели уверенно и с присущей Багрицкому барской снисходительностью.

Безвольная челюсть спряталась под модной бородкой, зато улыбка до сих пор оставалась прежней. Той, которая меня

и покорила, а потом все эти годы сводила с ума.

Только вот на этот раз от нее несло фальшью.

– Давай я тебя кое с кем познакомлю, – продолжая улыбаться, произнес Артем, и я послушно посмотрела на девицу, вцепившуюся ему в руку.

За пять лет наших отношений я сталкивалась с дюжиной его «подруг», но Артем каждый раз уверял меня, что я все неправильно поняла. Они всего лишь друзья, и между ними ничего нет.

Затем стал говорить, что он любит только меня, а все остальное – ошибка.

Очередной его «ошибке» на вид было лет пятнадцать. Высокое, короткостриженое, андрогинное существо в блестящих и в ультракоротком платье уставилось на меня оценивающе. Изучало, словно просчитывало, представляю ли я для нее опасность или же просто попалась на их с Артемом пути.

Придя к неутешительным для меня выводам, существо выдавило из себя подобие улыбки.

Я все же присмотрелась к подружке повнимательнее и спрашивать у Артема, заглядывал ли тот в ее паспорт, мне перехотелось. По взгляду девицы стало ясно, что ей уже за двадцать.

– Это Вивьен, – представил свою подругу Артем.

– Марина Владимировна, – отозвалась я, внезапно ощутив не только свои несколько лишних килограммов, но еще и лишние лет так пятнадцать. – Приятно познакомиться, Ви-

вьен! Артем, рада, что вы здесь. Развлекайтесь!

– Выпьешь с нами? – спросил тот. – Так сказать, помянем прошлые дела. – И хохотнул.

– Пожалуй, откажусь. Собираюсь этим вечером напиться в одиночестве.

– Как год встретишь, так его и проведешь, – глубокомысленно изрекло существо по имени Вивьен.

На это я неопределенно улыбнулась, решив, что никто не помешает мне привести в исполнение свой некромантский план, и мой бывший со своей новой подругой тоже.

Тут всех стали звать к столу. Артем с Вивьен ушли, а я еще глубже забила за елку.

Тем временем на большом экране президент уже заканчивал поздравительную речь, пообещав, что вот-вот, совсем скоро, и мы встретим новый 202... год и тот обязательно станет счастливее прежних.

Пора, решила я.

Трясущимися пальцами выловила из сумочки зажигалку. Спешила, внезапно испугавшись, что из-за Артема опоздаю, все мои приготовления пойдут насмарку и придется ждать еще целый год!

Пламя обожгло пальцы, но боли я не почувствовала.

– Марина Владимировна, чем вы тут занимаетесь в одиночку? – раздался удивленный голос одной из «девочек» из бухгалтерии. – Идите к нам! Скоро уже новый год!

Они спешили к праздничному столу и твердо решили за-

брать меня с собой.

– Вот ты где, Мариночка! Я тебя везде ищу! – возвестила внушительная Тамара Львовна.

Главный бухгалтер, она считала меня старой девой без каких-либо надежд на исправление, поэтому думала, что мне жутко интересно выслушивать истории о четырех взрослых детях, которые уверенно, год за годом, делали ее бабушкой.

Спрятаться не было никакой возможности – Тамара Львовна обладала бульдожьей хваткой. Шла ко мне подобно ледоколу, собираясь вытащить из-за елки и отвести к общему столу.

И я сдалась. Отправилась навстречу, радуясь тому, что успела пересыпать пепел в бокал.

Тут-то грянули первые куранты.

– Десять! – в один голос воскликнули коллеги, а Артем поцеловал свою Вивьен.

На это я не к месту вспомнила, как Артем целовал меня – так, словно в жизни существовала лишь я одна и дороже и желаннее у него никого нет.

Грудь пронзило болью, я споткнулась на невысоких каблуках и отстраненно подумала... Надо же, я начинаю что-то чувствовать, хотя даже не успела пригубить то, что наколдовала в бокале!

– Пять!

Оказалось, пока я разглядывала своего бывшего возлюбленного, пропустила целых четыре счета.

Существо по имени Вивьен, оторвавшись от губ Артема, посмотрело на меня с видом победительницы.

«Он обо всем ей рассказал», – промелькнуло у меня в голове.

В целом, мне должно быть все равно, но почему-то не стало.

– Три!

Я снова пропустила один счет, зато мне удалось отвести глаза от целующейся парочки. Сказать себе, что это старая история, а меня впереди ждет новая. В ней обязательно найдется место для еще одного шанса, я встречу свою любовь и непременно стану счастливой.

– Два!

– Один!

...В момент безвременья, когда старый год канул в небытие, а новый еще не наступил, когда Артем вновь тянулся к губам Вивьен, а Тамара Львовна была уже рядом; когда в воздух одновременно взмыли несколько петард и пробок от шампанского и полетели конфетти, подхваченные ликующими криками, – именно тогда я сделала первый глоток.

После чего искренне и от всего сердца пожелала исполнения загаданного.

Мне нужен был еще один шанс.

Необходим как воздух, и поэтому я допила бокал до дна – для уверенного закрепления результата.

Но запрос у судьбы почему-то не захотел уместиться у ме-

ня внутри. Перед глазами поплыло; грудь во второй раз обожгло болью, а к горлу подобралась тошнота. Ноги ослабели, и я внезапно обнаружила, что падаю.

Хотя и не собиралась.

Мир тоже взял и упал вместе со мной. Разбился на мелкие кусочки, исчез на несколько мгновений, чтобы затем сложиться снова. Собрался, словно картинка в детском калейдоскопе, но на этот раз стал совсем другим.

Вместо украшенного к новому году зала я очутилась на улице. Вдохнула зимний и морозный воздух, затем в полнейшем изумлении подняла голову, уставившись в звездное небо, откуда срывались, падали на лицо пушистые белые снежинки.

Со всех сторон раздавались веселые голоса, а неподалеку играла негромкая музыка.

Но это были совсем другие голоса, не похожие на моих коллег, да и музыка не имела ни малейшего отношения к тому, что происходило на «корпоративе».

Я заморгала, стряхивая снег с ресниц, затем принялась озираться, пытаюсь понять, где я очутилась и как такое могло произойти.

Тут мир снова развалился на части. Затем собрался, но уже в понятную мне картинку.

Я лежала на полу, надо мной склонились растерянные коллеги. Трясли меня за руку, кто-то брызгал мне в лицо водой, пока остальные спрашивали друг у друга, что случи-

лось.

– Марина Владимировна, что с вами?! Вам нехорошо? Вам нужна помощь? – неслось со всех сторон.

– Перебрала слегка, с кем не бывает! – раздался уверенный мужской голос, хотя я никогда не увлекалась спиртным, и Артему это было прекрасно известно.

Но он постоянно забывал, потому что его интересовала исключительно собственная персона.

– Не пила Марина Владимировна почти ничего! – возразил ему чей-то голос, а Тамара Львовна уверенно заявила, что она сейчас же вызывает «скорую».

– Не спешите вы так! – продолжал командовать Артем, хотя его никто не просил. Склонился надо мной. – Ну же, Мариночка, зачем ты так много выпила? Поднимайся, не стоит портить людям праздник! Давай, я отведу тебя в кресло. Вот так, понемногу!..

Потянул меня за руку, помогая сесть, и тут я столкнулась с ненавидящим взглядом существа по имени Вивьен. Подруга Артема явно жалела, что сердечный приступ меня не прикончил.

В этот момент мир снова принялся раскалываться на части, и меня в очередной раз затащило туда, где кружились снежинки, звучала музыка, а еще...

Там был лед и скользившие по нему пары.

На мне тоже были коньки, что доставляло мне невероятное удовольствие.

К тому же все вокруг оказалось прелестно украшено – так, словно я попала в зимнюю сказку. Заснеженные деревья, фонари в форме лилий на декоративных решетках, отделявших каток от сада, и развевающиеся на ветру разноцветные ленты и поблескивающие елочные игрушки.

Где-то вдалеке, шипя, закрутились и запестрели фейерверки, и пары на льду остановились, чтобы полюбоваться на подобную красоту.

Вот и я тоже замерла.

Внезапно поняла, что опираюсь на мужскую руку. Незнакомец стоял рядом со мной, я видела темное плечо в пальто, а заодно понимала, что присутствие этого мужчины делало меня спокойной и уверенной.

А еще счастливой до невозможности.

Словно мне дали тот самый шанс, о котором я просила у мироздания, а я взяла и ничего не испортила.

Тут меня снова стали трясти, затем я почувствовала боль от укола.

Похоже, именно он и привел меня в чувство, но в другой, привычной мне жизни. Там, где надо мной склонились медики в защитных масках, кому-то сообщая, что забирают меня в больницу.

На это я вновь закрыла глаза, пожелав...

Всей душой, всем своим сердцем мне захотелось очутиться там, где были зима, смех и фейерверки и где лезвия коньков скользили по льду. Там, где я слышала мелодичную му-

зыку и ощущала уверенное присутствие любящего мужчины рядом.

Вместо этого меня в третий раз потрясли за руку, но голос был совсем другим – детским, мальчишеским и недовольным.

– Рина, ну вставай уже! – заявил он. – Просыпайся скорее, а то сейчас почти полдень!

Вот тогда-то я окончательно пришла в себя.

Заморгала, дожидаясь, когда глаза привыкнут к полумраку, заодно пытаюсь сообразить, где я нахожусь. Куда подевались моя елка на «корпоративе», Тамара Львовна с Артемом и остальным не особо трезвым коллективом? А заодно с ними пропали каток, фейерверки и мужчина рядом, которого я так и не успела рассмотреть?

Оказалось, я лежала в комнате, свет в которую попадал из маленького полукруглого окошка в дальнем ее конце, а надо мной склонился чужой и крайне недовольный ребенок.

Лет ему было шесть-семь, не больше.

На этом странности не заканчивались – я вдохнула влажный и промозглый запах сырости вперемешку с горьковатым печным дымом. Едва не закашляла, судорожно пытаюсь сообразить, где я очутилась и что вообще происходит.

Но времени на размышления мне не оставили.

– Ну и долго же ты спала! – заявил мне мальчик, после чего попытался стащить с меня одеяло.

На это я... икнула от неожиданности, затем непослушны-

ми пальцами вцепилась в край. Не отпускала, словно одеяло было последним связующим меня звеном с привычной реальностью.

Заодно размышляла, чей это ребенок может вести себя столь бесцеремонно.

В моем московском окружении таких не было. Близкими подругами в столице я так и не обзавелась; водились несколько знакомых, но из детей я знала если только шумную семью Тамары Львовны.

Только вот те давно выросли, а внуки еще не доросли.

К тому же Риной меня звали только родители и школьные друзья, оставшиеся за две тысячи километров от столицы.

Очередная загадка!

Мысли путались, порождая версии одна другую фантастичнее.

Неужели меня выкинули с «корпоратива», потому что я портила всем праздник своими обмороками? Или же я пришла в себя и наговорила много разного Артему, припомнив ему пять лет страданий и миллиарды погибших по его вине нервных клеток?

Поэтому меня и выставили с «корпоратива», несмотря на руководящую должность, хотя должны были выкинуть его.

Или же...

Внезапно я вспомнила о врачах.

Похоже, меня увезла «скорая», а дальше произошло нечто совсем уж загадочное. Такое, из-за чего я очнулась на узкой

койке, заваленная тряпьем и укрытая тяжелым ватным одеялом.

Но что именно случилось в промежутке между «скорой» и этой комнатой, вспомнить я так и не смогла. Зато меня не оставляло ощущение, что я знаю этого мальчика.

Серьезное детское личико, немного осунувшееся, словно от недоедания; карие умные глаза. У него был вид ребенка, успевшего слишком быстро повзрослеть.

Рори, внезапно стукнуло в голову.

Его зовут Рори, и он – мой младший брат.

Эта мысль показалась мне совсем уж странной, потому что в семье я была одна. Поздний ребенок, родители не отличались крепким здоровьем, поэтому к своим тридцати девяти я осталась одна в буквальном смысле этого слова.

Тогда откуда взяться младшему брату, и почему мне надо вставать, так как, по его словам, давно уже настало воскресенье?

«Корпоратив» был в ночь со вторника на среду, вспомнила я. Выходит, у меня пропали из жизни четыре с половиной дня.

– Ты проспала со вчерашнего полудня, – сообщил мальчик. – Но я все это время тебя не будил. Боялся, что помешаю выздоровлению и твоя болезнь снова к тебе вернется.

– Спасибо, – неуверенно пробормотала я, и тот кивнул.

– Утром заходили Ким-Ли и Чандлер, они тоже за тебя боялись. А еще они оставили нам супа и немного хлеба. Я

съел целую тарелку, – произнес он извиняющимся голосом, – а остальное все для тебя, Рина! Но суп очень острый.

– Суп, – повторила за ним, внезапно осознав, что сказанное мальчиком звучит совсем не так, как я привыкла.

Язык, на котором он говорил, не был русским. Также я не обнаружила сходства с английскими или французскими фразами, да и на немецкий он тоже не походил.

На этом мои лингвистические познания закончились.

– Ты хочешь супа? – обрадовался мальчик. – Сейчас принесу! Так я и сказал Ким-Ли, что ты обязательно поправишься, потому что тебе уже намного лучше. Я все время щупал твой лоб, Рина! Даже ночью просыпался и тоже щупал! Сперва он был очень горячим, а потом перестал.

– Погоди немного, – попросила его, прислушиваясь к звукам собственного голоса.

Наплевать, что я говорила на незнакомом языке, но даже мой голос звучал не так, как обычно. И это ввергло меня в очередной ступор.

– Не нужно ничего нести. Я все сделаю сама, – собравшись с мыслями, сказала ему, после чего откинула одеяло.

Оказалось, на мне была надета длинная и довольно заношенная сорочка до колен. Поверх нее – свалывшаяся пуховая кофта. На ногах – серые вязаные носки, причем большой палец на правом заштопан.

Нервно дернула головой, внезапно ощутив непривычную тяжесть. Протянула руку, доставая, и... на грудь легла длин-

ная коса, перевязанная темной ленточкой.

Коса.

Золотистая и порядком растрепавшаяся, потому что, если верить Рори, я проспала больше суток.

Но как такое возможно, если последние несколько лет я стригла волосы до плеч и тонировала в темно-каштановый цвет?

Еще раз дернула себя за косу, а потом прикусила губу до боли. Мечтала проснуться и чтобы все это исчезло, но у меня ничего не вышло. Ни коса, ни заштопанные носки, ни комната с маленьким Рори пропадать не собирались.

– Кажется, я сплю! – пробормотала я, на что мальчик ответственно заявил, что уже больше нет.

Он меня разбудил, я сижу в кровати, а суп стоит на печи.

Кстати, печь он разжег сам, хотя я ему и запрещала брать спички. Но он уже большой, и у него все получилось.

И даже ничего не спалил!

– Хорошо, – сказала ему, хотя не видела в этом ничего хорошего.

Немного посмотрела на печь, на которой стоял почерневший котелок, а рядом притулился такой же замызганный чайник. Затем решила повнимательнее осмотреть комнату – вдруг это как-то мне поможет? Натолкнет на мысль, и я разгадаю ребус?

Ну что же, осмотрелась.

Это была темная и мрачная комната с отклеивающимися

обоями и двумя узкими кроватями вдоль стен. Возле единственного окошка стоял хлипкий письменный стол с выдвижными ящиками и темный сундук рядом с ним.

Затем мой взгляд уткнулся в ту самую печь, которую разжег Рори. Котелок и чайник я уже видела, остальное – скорее всего, посуда и продукты – было спрятано за небольшой тканевой ширмой.

Неподалеку от печи обнаружилась лавка с составленными на нее ведрами и тазами. Чуть дальше, возле ближайшей стены, стоял шкаф без дверей с тремя полками, заставленными книгами, а еще на двух была аккуратно сложена одежда.

Одежды оказалось намного меньше, чем книг.

В центре комнаты стоял небольшой обеденный стол и три колченогих табурета – на этом вся мебель и закончилась.

Осмотр так и не приблизил меня к разгадке, поэтому, поднявшись с кровати (на всякий случай я еще раз дернула за косу, но та не собиралась отваливаться), я двинулась к окошку. Пару раз заплелась в ногах – словно тело в мешковатой одежде было не моим, – затем посмотрела на висевшую на гвоздях возле двери – наверное, входной – зимнюю одежду, обнаружив по соседству с ней две пары коньков.

Побольше и поменьше.

Ну что же, это были именно коньки, правда, не такие, к которым я привыкла. Лезвия с изогнутым передним концом и крепления – с виду не слишком удобные и не особо надежные.

Но я знала, что смогу кататься даже на таких.

Одно время я мечтала посвятить свою жизнь фигурному катанию, но родители настояли на лучшей, по их мнению, для меня доле. И я, в то время послушная профессорская дочь, бросила профессиональный спорт и поступила в скучный до невозможности вуз.

Снова заморгала, потому что показалось, будто бы коньки мне подмигнули.

– Этого только еще не хватало! – пробормотала я.

Впрочем, даже подмигивающим конькам я не особо удивилась. Если уж свихнулась, то пусть это будет по-крупному!

Добрела до окошка, внезапно поняв, что помимо противной слабости в теле и небольших проблем с координацией я чувствовала себя вполне бодрой и здоровой. Затем прильнула лбом к стеклу и, продышав себе дырочку в образовавшейся наледи, уставилась на то, что было снаружи.

– Ну все, я точно сошла с ума! – не удержалась от восклицания.

И это были не столько эмоции, сколько констатация факта.

За окнами – кажется, я смотрела с высоты третьего этажа – засыпанный снегом, лежал огромный город, не похожий ни на один из тех, в которых я успела побывать.

Невысокие двух- и трехэтажные дома потянулись в обе стороны улицы; каменные строения соседствовали с деревянными. Дома собирались в кварталы, и их оказалось так

много, что, казалось, город бесконечно разбегался во все стороны света.

Я видела засыпанные снегом крыши, но кое-где в проплетинах или же возле дымоходов проступала рыжая черепица. А еще в ярко-голубое зимнее небо устремлялись высоченные позолоченные шпили храмов.

Чуть правее – чтобы рассмотреть, мне пришлось даже прильнуть левой щекой к морозному стеклу, – высился холм, похоже, окруженный замерзшей рекой, – на котором раскинулся, сверкая на свету, золотисто-белый дворец.

Увидела я и несколько мостов, но потом, поняв, что сейчас я примерзну к окну, пялиться на дворец перестала. Вместо этого попыталась разглядеть то, что происходило внизу, возле самого дома.

Узкие тротуары как раз расчищали от снега, который дворники в светлых передниках и с лопатами в руках кидали на проезжую часть. По ней то и дело проносились кареты, проезжали открытые и закрытые сани; а еще были всадники и телеги, но при этом я не увидела ни одной машины!

Ни е-ди-ной!

– Рина, ну хватит тебе! – подойдя ко мне, занял мальчик. – Ешь свой суп, и пойдем уже гулять! Мне надоело сидеть дома. И в солдатиков играть тоже надоело.

Потому что у него их было целое войско, разложенное на соседней кровати.

– Сейчас, – сказала ему, продолжая ничего не понимать.

Наконец, оторвалась от окна, потеряв заледеневшую щеку; заодно подумала, что не помешает законопатить все щели, из которых дуло так, что я замерзла даже в шерстяной кофте.

Затем, делая вид, что направляюсь есть свой суп, прошлась по комнате.

Добрела до полок, остановилась и уставилась на книги.

Часть из них оказалась по истории какой-то Ровейны, были по общим наукам, а несколько так и вовсе по магии. На это диво я вытаращила глаза, хотя порадовалась тому, что могла читать на чужом языке и делала это вполне быстро.

Немного постояла, разглядывая корешки с золотистым теснением «Продвинутой артефакторики архимага Гостера» и «Справочника Огненного Мага от А до Я».

– Рина, – воскликнул мальчик, – только не начинай снова читать папины книги! У тебя все равно нет магического дара! И ты знаешь, к чему это может привести!

Я не знала, но спрашивать не рискнула. К тому же мальчик добавил:

– Пойдем лучше на улицу!

– Сейчас, Рори! – сказала ему. – Погоди немного. Скоро пойдем.

Немного переживала, угадала ли с именем, но не ошиблась.

Осмотрев книжные полки, вернулась к окну и выдвинула верхний ящик стола. Там стояла деревянная шкатулка. На

мое счастье, она не была заперта, и я, откинув крышку, вытащила пачку бумаг.

Отлично, документы!

Самой первой лежала грамота об окончании «Первой Городской Гимназии для девочек», причем с отличием, выданная на имя мисс Рины Одридж.

Отложив в сторону грамоту, я развернула два сложенных пополам листа. Ими оказались паспорта на имя той же Рины, а еще Рори Одриджей с размашистой подписью и печатью.

С драконом.

Да, печать была с драконом – тут уже ни добавить, ни отнять.

Датой рождения Рины значилась середина лета 5703 года – что это вообще такое?! – а Рори родился на двенадцать лет позже, в 5715 году.

Отложив в сторону еще и паспорта, но перед этим пожалев, что буквы на печати неразборчивые, следующим я вытащила табель успеваемости Рины Одридж за последний учебный год.

По всем предметам у той стояли «отлично» и «превосходно».

Затем я достала лежавший сбоку в шкатулке немного облезший, расшитый голубыми бусинами кошель.

Открыла его, и тут же лицо Рори, не спускавшего с меня глаз, приняло скорбное выражение.

Пусть я не разбиралась в денежных единицах этого... ми-

ра, но если в кошельке находились все сбережения Одриджей, то их оказалось негусто. Ни одной купюры, лишь мелкие медные монетки, да и тех оказалось всего ничего.

Центы, я прочитала название.

Двенадцать центов – именно столько оказалось в том кошельке.

– Рори... – начала было я, надеясь, что мальчик в своей детской непосредственности расскажет мне чуть больше.

Тот вздохнул.

– Ничего, Рина! – произнес он голосом взрослого маленького ребенка. – Мы с тобой справимся! Завтра тебе должны заплатить на фабрике. Ты работала почти месяц, и только тогда начала задыхаться и кашлять. Но они все равно должны тебе... Как это называется? Увани... Умани...

– Увольнительные, – сказала ему. – То есть меня уволили?

– Уволили, – подтвердил он.

– Тогда, наверное, окончательный расчет, – пробормотала я. – Какие уж тут увольнительные за месяц работы!

Значит, фабрика.

Не сказать, что это было отличным местом работы для гимназистки Рины Одридж, учившейся на «отлично» по всем предметам. Но, судя по всему, ситуация у брата и сестры сложилась довольно сложная, и если мне придется задержаться здесь еще на какое-то время, то завтра меня вряд ли завалят деньгами за месяц работы.

Еще немного порывшись в шкатулке, я обнаружила что-

то вроде трудового договора – маленькую записку, наказавшую на обрывке бумаги, гласившую, что Рина Одридж, девица 19 лет, проживающая по адресу: Цветочная, 15, была взята разнорабочей на «Спичечную фабрику господина Локреджа».

Внизу был указан адрес фабрики, стояли подпись и дата – 17 ноября 5721 года.

Следовательно, если Рина проработала там около месяца, после чего заболела и не получила расчет, то сейчас...

– Иди уже ешь свой суп! – напомнил мне Рори. – Он очень вкусный.

Да, сейчас как раз пришло время есть свой суп, решила я.

Ничего другого мне не оставалось – немного подкрепиться, после чего выбраться наружу и поискать ответы уже там, раз в комнате под внимательным взглядом младшего брата Рины Одридж я так их и не обнаружила.

На улицу мы все-таки выбрались, но это произошло не быстрее, чем через час.

Кстати, часы я тоже обнаружила – ими оказалась хитроумная конструкция из колбочек и песка со стрелками, и висела она как раз рядом с книжными полками.

Заодно порадовалась, что циферблат состоял из двенадцати делений.

Потому что он мог быть и совсем другим. Такому бы я тоже не удивилась, серьезно размышляя о том, что сошла с ума.

Спятила, свихнулась, и в моем помешательстве меня зовут Рина Одридж, и у меня есть младший брат Рори. Ему шесть с половиной лет, он ходит в первый класс приходской школы, этому я нашла подтверждение в документах.

Наши родители умерли – в шкатулке обнаружился бумага, подписанные коронером. Стефан и Карина Одридж покинули этот мир почти одновременно, с разницей в одну неделю. Это произошло почти год назад – в середине февраля 5721 года.

При мысли о Стефане и Карине Одридж я почувствовала легкую грусть, похожую на ту, которую испытывала, когда вспоминала о своих родителях. Значит, Рина Одридж уже смирилась с потерей и теперь всеми силами пыталась выжить, а заодно и вырастить брата.

Затем я обнаружила небольшое зеркало возле полок с одеждой и наконец-таки узнала, как выгляжу в этом мире и в новом теле.

Отражение имело мало общего с моей прежней внешностью. Схожим было только если то, что у меня имелись две руки и две ноги.

Из зеркала на меня смотрела худенькая девушка, кото-

рую без преувеличения можно было назвать красивой, даже очень.

Одухотворенная, изящная красота. Нежная кожа, румянец на щеках, огромные распахнутые синие глаза, оттененные темными ресницами, и длинные, почти до пояса, золотистые волосы.

На губы на ее месте я бы тоже не жаловалась.

Еще немного посмотрев в зеркало, я принялась размышлять о том, куда подевалась настоящая хозяйка этого тела. Неужели она умерла от болезни?! Или же перенеслась в Москву, заняв мое место руководителя отдела продаж?

Я понятия не имела, но решила ничего не испортить до момента, пока не подвернется возможность вернуться домой и поменяться телами.

Правда, денег в расшитом бусинами кошельке оставалось лишь несколько медных монет с полуистертым ликом обрюзгшего короля. Дрова – две охапки, надолго их не хватит. От окна сквозило, из щелей возле входной двери дуло.

Тянуло еще и оттуда, где располагались «удобства», – за маленькой дверцей обнаружилась крохотная ванная комната, а за ней – еще более крохотное отхожее место.

С другой стороны, хорошо хоть не придется бегать по морозу на улицу.

В ванной обнаружили кран и лоханка для стирки, в которой лежало грязное белье. Был и маленький тазик – в нем, подозреваю, мылись Рина с Рори.

Вода из крана текла обжигающе-ледяная, но даже если ее нагреть... Вымыться в такой холод я бы не рискнула и Рори не позволила – сперва нам следовало утеплить квартиру, а потом уже разжиться дополнительными дровами.

Затем под мою инспекцию попали запасы продуктов на полках за ширмой. Нашлась мука – не меньше половины солидного размера горшка – и еще закваска для теста, что меня очень порадовало. Рядом соседствовали две вялые морковки, неубедительное количество картофеля и кусочек сала.

Полезла по остальным горшкам; поднимала крышки одну за другой. Отыскала кукурузную крупу, немного овсянки, фасоль и наполовину пустой горшок с солониной.

Соли в нем было намного больше, чем мяса, но даже это было очень даже неплохо, а в голове тотчас же созрел план.

Приготовлю-ка я фасолевый суп – питательный и наваристый!

Наконец, обнаружила травяной сбор вперемешку с редкими чайнками в одном из горшков, а вот кофе нигде не было. Зато имелся суп в котелке, который принесли друзья Рины.

– Очень острый! – предупредил меня Рори, когда я налила себе в тарелку и уселась за стол.

На это я собиралась ему сказать, что и не такое ела. Но не сказала – не хотела пугать ребенка, который видел во мне свою сестру.

Попробовала – было на самом деле остро, а еще вкусно до невозможности. Особенно с куском ржаного хлеба.

Наконец, закончив с едой, стала собираться на улицу. Но сперва вымыла посуду в тазике, добавив теплой воды из чайника и зачерпнув жидкой жижи из стоявшего на лавке горшка, – решила, что это и есть местное моющее средство.

Кажется, я все сделала правильно, и Рори до сих пор не заподозрил чужачку в теле сестры.

Но чтобы не раскрыть себя и дальше, я попросила мальчика застелить мою постель, пока я буду мыть посуду, и положить на нее мою одежду на выход.

Тут, по мнению Рори, я все сделала неправильно, зато добилась нужного эффекта.

Кровать он, ноя, все-таки убрал, заодно сложил в коробку разбросанных солдатиков, после чего озаботился моей одеждой.

Ну что же – застиранная нижняя юбка, поверх нее темно-серое платье со шнуровкой на боках и такая же темная кофта с несколькими деревянными пуговицами по переду, рейтузы, вязаные носки и пальтишко.

Все довольно поношенное, но, как мне показалось, добротное. Словно эта одежда осталась с прежних, лучших времен, которые знавали дети Одриджей.

Рори тоже оделся – натянул вязаные штаны, кофту и пальто. Нахлобучил шапку, а затем надел красные варежки.

– Коньки, Рина! – сказал мне укоризненно, когда мы направились к входной двери. – Как ты могла о них забыть?!

– И правда, – сказала ему. – Как же я могла о них забыть?

Кивнула, когда Рори поднял с пола еще и вторые коньки – поменьше размером. Затем влез в похожую на валенки обувь, пока я уставилась на выдавшие виды сапоги. Не сказать, что они внушали мне оптимизм, но за неимением других...

– Шапка, – напомнил он, и я, успевшая переплести косу почти до пояса – диво-дивное! – послушно натянула маленькую вязаную шапочку и обмоталась темным шарфом.

– Ключи, – с укоризной произнес мальчик, потому что я принялась дергать запертую дверь.

– Знаешь что, Рори, – сказала ему, – давай ты сегодня будешь думать обо всем сам? Видишь же, я немного рассеянная после болезни.

– Вижу! – проворчал он, и в его голосе мне послышались взрослые нотки.

Он пытался обо мне заботиться, славный мальчуган.

Снял с небольшого гвоздика проржавевший ключ на шнурке, вставил его в прорезь и повернул. Затем, когда мы очутились на полутемной лестничной площадке, закрыл за нами дверь и повернул ключ еще раз, после чего повесил его на шею.

С серьезным видом протянул мне руку, и мы принялись спускаться по лестнице.

Я ни в чем не ошиблась, квартирка Рины и Рори Одриджей находилась на последнем, третьем этаже. Получалось, под самой крышей. На втором я насчитала еще три кварти-

ры, а затем хлопнула входная дверь, и я услышала, как завыл по лестничным проемам запущенный внутрь зимний ветер.

Кто-то поднимался по лестнице. Судя по уверенным шагам, это был мужчина, и мы с ним должны были пересечься на лестничной клетке первого этажа.

Пересеклись.

Одет незнакомец был в длинное черное пальто с двумя рядами начищенных медных пуговиц, воротник которого был поднят и весь в снегу. Как и темная шевелюра, потому что шапки на голове у него не оказалось.

– Мисс Одридж! – произнес мужчина и коротко поклонился.

И пусть в полумраке лестничной площадки – свет шел откуда-то сверху, из маленького оконца – его лицо видно было довольно плохо, я все-таки разглядела.

Пошатнулась, не в силах поверить своим глазам. Вцепилась одной рукой в перила, второй еще сильнее сжимая маленькую ладошку брата в красной варежке.

Глава 2

Я смотрела на мужчину во все глаза, чувствуя, как в голове шумят, смешиваясь, реальность с нереальностью.

Два мира пытались слиться в один, но... Они так и не слились.

Потому что это был не он. Не Вадим Воронов, в которого когда-то давно, еще до Артема, я была влюблена и даже втайне мечтала о нашей свадьбе. Но ровно до момента, пока в моей жизни – вернее, сперва в моем кабинете – не появился наш новый региональный менеджер Артем Багрицкий.

Чувство вспыхнуло в одночасье, причем в том самом кабинете.

Ну что же, через несколько лет от моей жизни остались лишь дымящиеся развалины. И дымились они долго и знатно, хотя жизнь с Артемом первое время походила на яркий праздник или красочный фейерверк.

Запал начал заканчиваться через пару лет наших отношений, которые Артем не спешил переводить в официальные. Детей он тоже не хотел. Утверждал, что нам еще рано и надо пожить для себя, ни в чем себе не отказывая.

Примерно тогда – через те самые пару лет – я стала подозревать, что он мне изменяет, а заодно пытается с моей помощью подняться по карьерной лестнице.

Но я еще долго позволяла морочить себе голову – наверное, потому что не могла в это поверить, – пока однажды все-таки не нашла в себе силы открыть глаза.

Зато теперь я глядела на мужчину, напоминавшего мне Вадима из моей прошлой жизни, и терялась в догадках.

Он был высокого роста и крепкого телосложения, хотя под длинным пальто – возможно, это была форменная шинель – с двумя рядами начищенных медных пуговиц особо его фигуру было не разглядеть.

Зато я увидела темную двухдневную щетину на усталом лице и ярко-синие, словно подсвеченные изнутри, глаза.

И пусть незнакомец не был таким смазливый красавчиком, как Артем, но он показался мне несомненно привлекательным. К тому же в нем чувствовался внутренний стержень, что делало его еще более интересным в женских глазах.

По крайней мере, в моих уж точно.

Нет же, это не может быть он, оборвала я себя строго. Откуда ему здесь взяться, в моем помешательстве?!

К тому же этот мужчина казался мне пугающим, хотя я не могла понять природу подобного чувства. Также я не могла сообразить, почему он застыл на лестничной клетке. Остановился и смотрел на меня, хотя должен был давно зайти в свое жилище и закрыть за собой дверь.

– Рина, пойдём поскорее! – дернув меня за руку, громким шепотом произнес Рори. – Я тебя и так весь день ждал!

– Мисс Одридж, – уголки губ незнакомца дрогнули, словно он собирался улыбнуться, но затем передумал. – Рад вас снова видеть на ногах! Хотя я бы предпочел увидеть вас в постели...

На это я кашлянула от неожиданности, да и мужчина, кажется, понял, что сказал явно что-то не то.

– Простите, мисс Одридж! – произнес он покаянно. – Двое суток на службе сделали из меня человека неразумного. Как чувствует себя ваша болезнь? – Нахмурился. – Вернее, как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – улыбнулась ему. – Со мной все в порядке, спасибо!

Маркус.

Его зовут Маркус Блекстон, пришел изнутри ответ, а вовсе не Вадим Воронов.

– Спасибо вам, господин Блекстон! – рискнула я.

Он кивнул, после чего вновь уставился мне в лицо, будто бы искал ответы на не заданные им вопросы. Затем перевел взгляд на лезвия коньков, связанных и перекинутых через мое плечо.

– Мисс Одридж, судя по всему, вы собрались на каток. После приступа, который на несколько дней уложил вас в постель, я бы серьезно посоветовал вам этого не делать.

– Но мы только немножко это поделаем! – тотчас же занял Рори. – А Рина может и вовсе не кататься. Пусть она на меня посмотрит!

Вот и Маркус Блекстон снова на меня посмотрел, да так, что мне внезапно стало жарко под шапкой и тонким пальто. Или же во всем виновата теплая кофта?..

Тут то ли на мою беду, то ли на счастье распахнулась соседняя дверь, и под визгливое собачье тявканье на лестничную площадку выкатилась невысокого роста дородная старуха.

У нее было морщинистое недовольное лицо, седые волосы скрывал темный чепец, и одета она тоже была во все черное. Либо от нее, либо из двери ее квартиры тотчас же потянуло нафталином.

Форменная злыдня, почему-то решила я, и внутренний голос подтвердил, что все именно так. Злыдня, я ни в чем не ошиблась.

Но такой она была не со всеми – на мужчину в темном пальто подобное не распространялось.

– О, господин Блекстон! – сладким голосом пропела старуха, мазнув по нам с Рори безразличным взглядом. – Какая радость, что я вас застала, когда вы возвращаетесь со своей службы! И какое же счастье, что вы поселились в моем доме! Высший маг – это редкостная удача... Вернее, вы – огромная редкость для Ровейны, господин Блекстон!

– Право, миссис Ванроуз! – поморщился Маркус Блекстон, и по его голосу стало ясно, что ни эта встреча, ни неприкрытая лесть в словах старухи его не порадовали.

– Слава Богам, ваш магический дар не позволил замерз-

нуть воде в трубах, – продолжала свои восхваления пожилая женщина. – Я не устаю возносить за вас молитвы каждый день, господин Блекстон!

– Миссис Ванроуз, это уже лишнее. К тому же в этом мало моей заслуги, – стоически отозвался тот.

– О, господин Блекстон, зря вы на себя наговариваете! – с жаром произнесла она. И тут же перешла на деловой тон: – Быть может, у вас найдется свободная минутка, и вы взглянете, что не так с моими магическими утеплителями? Они почти не греют, господин Блекстон, и нам с Мистером Чаппером холодно. Он весь трясется и чихает, бедняжка!

– Обязательно осмотрю, но не в этот раз. Вы правы, я только что со службы, и мой резерв сейчас на нуле.

– Конечно же, господин Блекстон! – вновь заюлила старуха. – Уверена, вы без устали ловили Отступников, спасая Ровейну от ереси... Ведь именно этим вы занимаетесь?

Произнеся это, она уставилась на мага пронзительным взглядом, но ответа так и не получила. Маркус Блекстон молчал.

Тогда навязчивая старуха решила зайти с другой стороны.

– Мой утеплитель, вы же не забудете о нем, господин Блекстон? Быть может, все-таки взглянете на него прямо сейчас?

Вместо этого он предпочел ретироваться, и я прекрасно его понимала и даже в чем-то сочувствовала. Поклонился мне, после чего взглянул на дверь, и та распахнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.